

СМЕТЫ

ISSN 0131-6656

№ 9 МАЯ 1981

**МОРСКАЯ
ПЕХОТА:
СЛАВА,
МУЖЕСТВО,
ОТВАГА**

КАЧЕСТВО: УРОВЕНЬ ТРУДА-

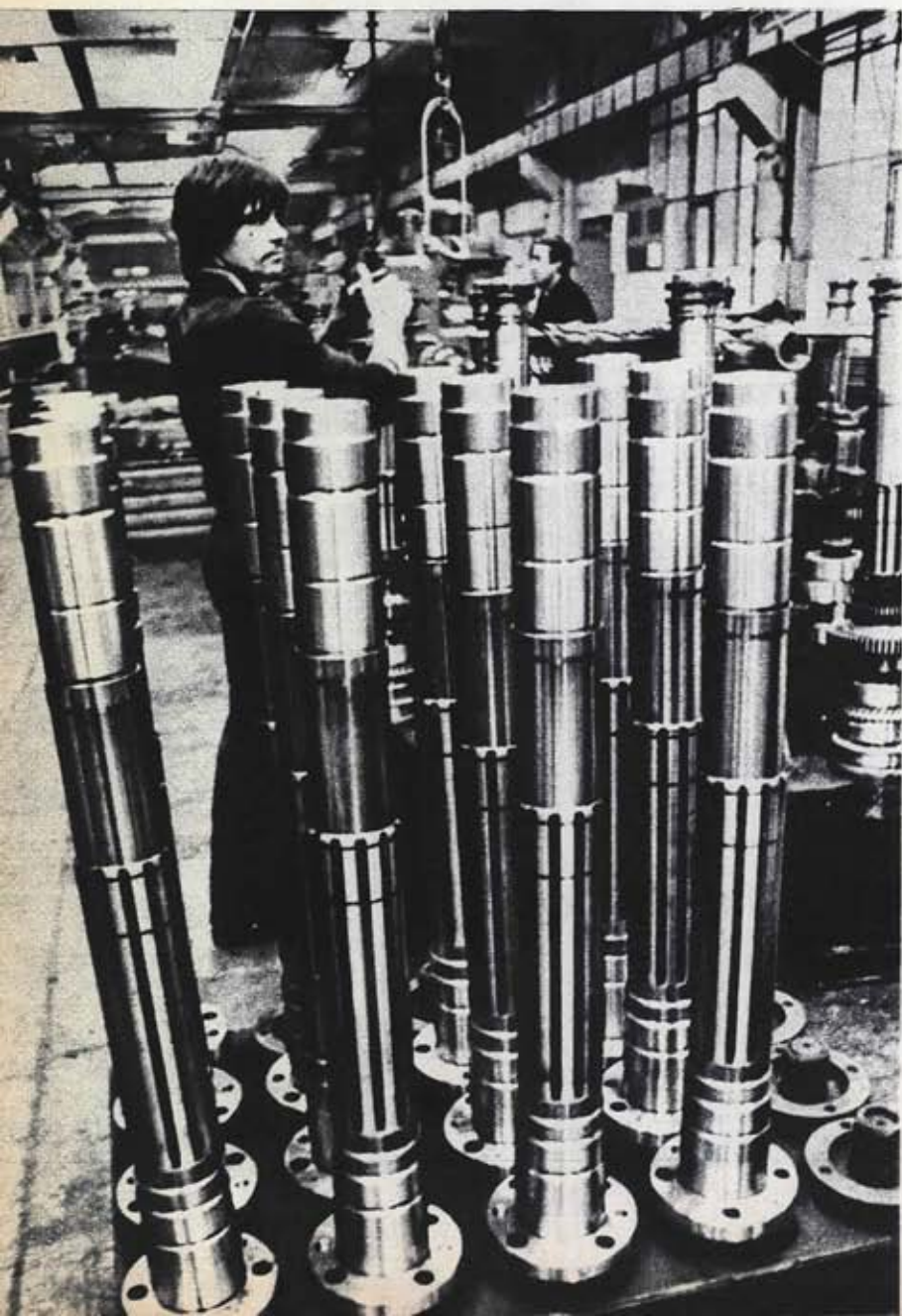
Прошедший XXVI съезд КПСС определил цели экономического и социального развития страны и пути их достижения. Сейчас — время работы. Работы, которая позволит выполнить решения партии.

Какой она должна быть сегодня, наша работа? В своих размышлениях об этом читатели особо выделяют отношение к труду, необходимость восприятия своей работы как дела жизни. Подчеркивают, что именно труд, вклад в общее дело — самый верный показатель того, как и для чего живет человек.

Как раз разговором на тему «ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ: гражданственность, деловитость, сердечность» («Смена» № 5, 1981 г.) и завершился большой этап нашей дискуссии, которая шла под рубрикой «Коллективный критический анализ: работа в тягость, работа в радость». Этот разговор представлялся нам, с одной стороны, итоговым, а с другой — начальным. Читатели поддержали нас — дискуссию необходимо продолжить. И предложили новую формулу

**НОВАЯ
РУБРИКА**

«Работа
как дело жизни»

ЛИЧНОЕ

**Яков РЫБИН,
строгальщик
Рязанского
станкостроительного
завода**

На одном из цеховых собраний мне вручили круглый металлический стержень с цифрой «90» на торце — личное клеймо. Означало это, что теперь ОТК уже не будет проверять изготовленные мною детали.

Такая степень доверия — мощнейший стимул к работе по самым строгим меркам качества. Дело не только в том, что я получаю пятипроцентную надбавку к зарплате за то, что фактически совмещаю две профессии — строгальщика и контролера. У меня теперь никто, если можно так сказать, не стоит за спиной; никто не должен искать мои возможные ошибки. Последняя «инстанция» — я сам. Значит, ошибаться никак нельзя. Конечно, и раньше старался, чтобы брака не было, но сейчас все-таки невольно относишься к делу строже: лишний раз проверишь установку заготовки, придирчивей измеришь готовую деталь. Ведь достаточно всего три раза ошибиться — отберут клеймо, тогда стыда не оберешься...

На завод я пришел, как и большинство наших рабочих, учеником, то есть начинал с нуля. Но в одном мне повезло.

КАЧЕСТВЕННАЯ РАБОТА НА КАЖДОМ РАБОЧЕМ МЕСТЕ — ТРЕБОВАНИЕ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

пожалуй, больше, чем другим: приступить к самостоятельной работе пришлось в очень сложное время. Цех наш, спроектированный для изготовления деталей станков с числовым программным управлением, тогда только переживал свое становление. В такой обстановке учиться было и трудно и вместе с тем интересно. Пока осваивали оборудование, технологи буквально не отходили от наших станков всю смену. Вместе с ними пришлось немало покопаться в новой технике, научиться разбираться в чертежах. Находили конструктивные недостатки станков, доводили их «до ума». Короче говоря, школа работы была нелегкая, но в смысле повышения квалификации очень полезная.

Чем занимается наш цех? Получаем черновые заготовки из литейки, фрезеруем их, строгаем, растачиваем, сверлим, шлифуем — и отправляем в сборочный цех. Качество станков во многом зависит от нас, механообработчиков. Нетрудно представить, что если хоть одна деталь пройдет через ОТК со скрытым дефектом, если это вовремя не заметят на сборке, то и весь новый станок (стоимость которого может исчисляться сотнями тысяч рублей) придется разбирать и собирать заново. Ну, а в худшем случае придет рекламация от заказчика.

Марка нашего завода хорошо известна. С каждым годом улучшается качество станков, повышается их надежность, а количество рекламаций снижается. И все же они еще бывают! Вполне возможно, что где-то такой же рабочий, как я, получив не вполне исправный станок, нелестно отзовется о рязанских станкостроителях вообще. Я понимаю, ему безразлично, что какие-то отдельные детали станка сделаны строго по стандарту: его интересует лишь то, ка-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 9 (1295) МАЙ 1981

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
воины-комсомольцы
морской пехоты
накануне учебной
высадки на берег.

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

1 НОВАЯ РУБРИКА: «РАБОТА КАК ДЕЛО ЖИЗНИ».
«КАЧЕСТВО: УРОВЕНЬ ТРУДА —
УРОВЕНЬ ПРОДУКЦИИ».

6 Владимир СИДОРИК, полковник, член бюро ЦК ВЛКСМ,
делегат XXVI съезда КПСС.
«СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!».

9 Лев ДАНИЛОВ.
«ФОТОПОРТРЕТ 42-го ГОДА». Невыдуманный рассказ.

11 ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ.
Александр БАЛИН. «НЯНЯ».

12 КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
«ДУНАЙСКАЯ ВЕНЕЦИЯ».
Фотоочерк Леонида ЖУХОВИЦКОГО
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

14 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
«ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».

18 А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».

20 ЭТЮДЫ О ХУДОЖНИКАХ.
Алексей КОРЗУХИН. «РАДУГА В НЕНАСТЬЕ».

23 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».

24 Роман Сергея ВЫСОЦКОГО «СРЕДА ОБИТАНИЯ».

27 СПАСИБО ЧИТАТЕЛЯМ!
НОВЫЙ УРЕНГОЙ:
КНИГИ СОБРАНЫ — БИБЛИОТЕКА РАБОТАЕТ!

28 МИР КАПИТАЛА: ИДОЛЫ ВМЕСТО ИДЕАЛОВ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛШЕВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИ-
БАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ,
Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1981 г.

Предупреждаю сразу: в истории, которая будет сейчас рассказана, мне далеко не все ясно, придется думать вместе. Пройдя по всей управленческой цепочке — от бригады до союзного Госплана, — я, смею думать, нашел экономическую подоплеку дела, но мне непонятна яркая личность, которая стоит в самом начале цепочки.

...Мы встретились, когда он только что вернулся со смены. Во всей лесной отрасли в ту пору было только шесть бригад, сумевших досрочно выполнить пятилетку, и одна из них — его. За то ему громкая слава. Славу свою он добыл горбом: по лицу, рукам, позе видно, сколь нелегким был его обычный трудовой день.

Привыкший уже к тому, что наш брат, журналист, задает одни и те же вопросы, он дельно и складно рассказывает о товарищах по бригаде, о технике, о совмещении професий.

Все это важно, однако мне надо задать ему странный, если хотите, нехороший вопрос: а зачем он торопился выполнять свою пятилетку? Он с товарищами нарубил много леса, в нынешнем году взялся нарубить еще больше, но для чего? Не может же он не видеть того, что видят все, о чем с болью говорят и на собраниях и в семьях: рубки эти лишние, немалая доля заготовленного леса никому не нужна.

Чтобы понять, почему так случилось, надо вернуться к событиям многолетней давности. В Иркутской области, по берегам таежной речки Чуны, растет лучший в мире лес — знаменитая ангарская сосна. Бывшее Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР решило развернуть здесь крупные заготовки и одновременно построить комбинат для переработки древесины. Но одновременно не получилось — пуск комбината опоздал на шесть лет, да и сегодня он потребляет только половину заготавливаемого для него сырья. Куда же деть другую половину? По ходу дела приняли решение вывозить продукцию на запад, в европейскую часть страны. Затея удалась не вполне — за всю прошлую пятилетку заготовительные объединения «Лесогорсклес» и «Чуналес» получили в лучшем случае 80 процентов потребного количества вагонов. А поскольку план заготовок исполняется гораздо исправнее (при нынешней технике дерево свалить — пара пустяков), год от году растут запасы невывезенного леса. Между тем продукция эта скоропортящаяся. В бассейне Чуны сгнило уже около миллиона кубометров готовой древесины.

Трудности на транспорте известны, глубоко осознаны. Вы, наверное, помните, как остро

был поставлен вопрос о них в Отчетном докладе товарища Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС. Меры, причем весьма основательные, уже принимаются, но это задача не одного дня и даже не одного года. А покамест надо сделать самое простое — не валить лес, который все равно нельзя вывезти, или, говоря на языке экономики, согласовать планы рубок с реальными возможностями транспорта.

Теперь, надеюсь, ясен смысл вопроса, который я задал бригадиру. Он понял все с полуслова:

— Да уж чем так гноить лес, лучше бы вовсе не рубить.

ОТВЕТСТВ

Василий СЕЛЮНИН

— Для чего же рубили?

— А что вы от нас хотите? Есть план, есть дисциплина.

Все правильно — дисциплина. А, с другой стороны, какое к черту правильно, когда миллион кубометров народного добра превращен в пыль, в прах, в ничто? И это ведь сделано не без его участия. Взглянем на вещи просто: бессмысленные рубки вел именно он. Как тут рассудить, герой он или совсем наоборот?

Случай, конечно, редкий, но заставляет задуматься. Часто говорят так: каждый должен добросовестно исполнять свои обязанности, быть дисциплинированным, аккуратным на своем рабочем месте — и тогда все пойдет у нас, как надо. Но вот жизнь подсовывает опровержение: люди показали высочайший образец труда как раз на своих рабочих местах, а вышел конфуз. Нет, видно, маловажно одной добросовестности, необходимо понимание исполнителем высшего, конечного смысла труда на благо общества.

Читатель вправе возразить: в общей форме это, конечно, верно, однако каким образом приложить такое правило к живой жизни? Как же все-таки надо было поступить бригадиру и его товарищам?

Откровенно говоря, не знаю — когда речь идет о нравственной позиции, тут каждый обязан решать сам за себя. Но одно я знаю определенно: если ты выбрал позицию, если в своей правоте уверен, твоя совесть подска-

«ПОРЯДОК В ТАНКОВЫХ ВОЙСКАХ!»

«ВСЕ НАВЕРХ!»

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ...

«ПО МАШИНАМ!»

ЖИЗНЬ РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА КПСС В ЖИЗНЬ!

Владимир СИДОРИК,
полковник, член бюро ЦК ВЛКСМ, делегат XXVI съезда КПСС

Эти дни со мною навсегда. Пройдут годы, придут другие события, неизвестно, какой поворот примет судьба. Одно известно: время на всю жизнь запечатлело в памяти февральские и мартовские дни восьмидесят первого, когда вместе с другими посланцами нашей более чем семнадцатимиллионной ленинской партии мне выпала честь участвовать в работе XXVI съезда КПСС, обсуждать вопросы исторической важности. С гордостью за наши славные Вооруженные Силы, за воинов армии и флота слушал я строки Отчетного доклада, где давалась высокая оценка людям ратного труда, абсолютное большинство которых — комсомольцы и молодежь. Это они продолжают сегодня традиции, рожденные в пламени боев за Республику Советов. Это они в каждодневном ответе за счастье Родины, за мир на земле. И когда думаешь так, сердце неизменно диктует знакомые строки:

**ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ
ОТЛИЧНО СПРАВИЛОСЬ
С ПОСТАВЛЕННОЙ
ЗАДАЧЕЙ.**

*Отец,
Я все запомнил свято.
Во имя памяти твоей
Я пронесу в душе солдата
Твои бои,
Твоих друзей.
А если вдруг (все может стать)
Наступит снова грозный час—
Мы будем по-отцовски драться,
Взяв смелость, мужество от вас.*

Эти стихи написаны нашим современником — солдатом послевоенных лет. В них само назначение молодого стража Отчизны: продолжать дело старших поколений, приумножать их ратный подвиг, быть, как и они, в постоянной готовности отдать всего себя делу Ленина, делу Великого Октября. Воспитанные партией, возвращенные комсомолом, молодые воины беспрдельно верны своей стране, идеалам социалистического содружества. И как символ этой верности горит на груди многих из них комсомольский значок.

Неразделимы судьбы армии и Ленинского комсомола.

Ленинскому комсомолу сегодня — за шестьдесят. Но по сути и характеру своему он всегда останется молодым, устремленным в день завтрашний, отвечающим по-солдатски «Есть!» на призыв Коммунистиче-

ской партии. Сколько бы лет ни прошло, но мысленным взором своим мы вновь и вновь увидим несгибаемого Виталия Бонивура, лихо мчавшихся на врага молодых красных конников, полыхающие флаги непокоренного Краснодона, ощутим накал былых сражений, услышим отзвуки далекого боя.

Принято считать: язык арифметики сух и лаконичен. Но давайте еще раз задумаемся над некоторыми цифрами. Около двухсот тысяч комсомольцев и молодых воинов шли огневой дорогой гражданской войны, пять тысяч комсомольцев за героизм в боях отмечены высшей наградой республики — орденом Красного Знамени. За этими цифрами — жизни, ставшие легендами, вошедшие в песни, в боевую летопись армии и комсомола. «Лучше с честью пасть в открытом бою, чем снова лечь под кровавую пядь буржуазии. Теснее сплотим свои ряды, крепче сожмем в руках винтовки и дадим грозный отпор врагу». Так присягала юность далеких и незабываемых двадцатых.

...Перевернем еще одну страничку нашей общей биографии. Тридцатые годы... Уже в начале их в рядах армии постигали науку побеждать 250 тысяч комсомольцев, а в конце — более 405 тысяч. Массовой формой пропаганды военных знаний, замечательной школой патриотического воспитания юношества стал военный экзамен. Молодым людям нынешних дней результаты его могут показаться не столь внушительными: время другое, масштабы иные. Но тогда, в

СКОРО ВЗЛЕТ.

ВОИНСКИЕ ТРАДИЦИИ СВЯЩЕННЫ.

ВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

конце тридцатых, более двух миллионов человек с честью выдержали этот экзамен, заслужили значки ГТО, доказав свою готовность к труду и обороне священной земли Отечества.

И когда над этой землей вспыхнуло пламя войны, Ленинский комсомол надел снова солдатскую шинель. Молодежь страны оказалась физически и нравственно подготовленной к смертельной схватке с фашистским агрессором. К июню 1941 года комсомол представлял собой сплоченную вокруг партии, ее Центрального Комитета организацию передовой молодежи, объединяющую 10,5 миллиона человек. Как и в годы гражданской войны, целые комсомольские организации уходили защищать свое Отечество. Документы тех грозных лет обжигают душу и поныне.

Перечитаем некоторые строки, отдав в канун 36-й годовщины Великой Победы светлую дань памяти мужеству отцов и дедов.

«Что может быть почетнее для нас, чем защищать любимую Родину от нашествия гитлеровских банд? Мы обязаны, а потому требуем с полным правом послать нас на фронт. Мы будем мстить врагам с полным сознанием своего долга перед Родиной», — заверяли молодые москвичи.

«Социалистический строй воспитал в нас мужество и отвагу... У нас зоркие глаза, крепкие мускулы, молодое непокорное сердце. Все эти качества мы отдаем своей любимой Родине, отдаем священной

борьбе с врагом человечества — немецким фашизмом». Эта клятва их ровесников из города Ленина — колыбели Великого Октября.

«От Москвы до самых до окраин...» — пело когда-то юношество в праздничных колоннах. Да, от Москвы до самых до окраин, от студеных северных широт до знойного юга оно вместе с коммунистами, отцами и дедками заслонило путь врагу на огневых рубежах Великой Отечественной. И новые песни придумала жизнь — песни о боевой отваге молодых. Три с половиной миллиона комсомольцев-воинов награждены орденами и медалями за доблесть, проявленную в боях с фашистскими захватчиками. Семь тысяч членов ВЛКСМ и воспитанников Ленинского комсомола удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Более восьмидесяти из них — комсорги Красной Армии. Это они по примеру коммунистов первыми устремлялись в бой, и это о таких, как они, годы спустя скажет один из наших прославленных полководцев: «С командного пункта я много раз видел, как молодые солдаты поднимались в атаку. Это страшная минута: подняться в рост, когда смертоносным металлом пронизан воздух. И они поднимались... Мы, люди старшего поколения, этого не забудем. Важно, чтобы и молодые не забывали».

Молодые помнят. Сменив отцов и дедов на боевых позициях, они стремятся, как учит Коммунистическая партия, перенять существование их закаленных револю-

ции характеров, перенять их революционную страстность, их глубокую коммунистическую убежденность, беззаветную преданность великому делу, их огненный романтизм и неугасимую ненависть к врагам революции.

Я встречаюсь с ними в разных уголках нашей Родины и далеко за ее пределами — в средней полосе и там, куда крылья Аэрофлота несут через несколько часовых поясов: у дымящих сопок Курил, на голубых румбах океанов и морей, в заоблачной вышине горных перевалов, в сибирских краях, пахнущих ветрами тайги и звенящих задорной комсомольской песней. Посланцы разных областей и республик, порой несхожие по своим характерам, они схожи в одном, в главном — в готовности с оружием в руках зорко охранять мирный день страны, священные рубежи социалистического содружества. Это стало смыслом и содержанием их жизни с той памятной минуты, когда они принесли присягу на верность воинскому долгу.

Настал день — страна назвала их одним именем — вооруженный страж Отчизны. Пришел час — поставила в неусыпный дозор у границы, подняла в заоблачную высь, послала навстречу вскипающим штормам, свела в экипажи и расчеты, одела в спецовку военного строителя. И это их молодыми, сильными руками делается то самое необходимое пока еще для всех нас дело, что вошло в строку

Рисунок Аллы СОЛОВКИНОЙ

Лев ДАНИЛОВ

ФОТО-ПОРТРЕТ 42-го ГОДА

НЕВЫДУМАННЫЙ РАСКАЗ

Автора «Фотопортрета 42-го года» Льва Данилова мы знаем тридцать пять лет — с осени 1945-го, когда во ВГИКе началась первая послевоенная сессия, большинство студентов было одето в гимнастерки и шинели, а среди многих костюмелей и палок — памяти медсанбатов, лазаретов, фронтовых госпиталей, прислоненных к стенам аудиторий, в которых читались курсы кинотехники, искусства режиссуры и актерского мастерства, — стоял костюм и бывшего гвардейца Льва Данилова — будущего известного режиссера-кинодокументалиста, лауреата Ленинской премии.

Ничего нет удивительного в том, что кинематографисты выступают на страницах прессы — дают интервью, делятся секретами своего ремесла: зрителей интересует, что происходит на съемочных площадках, или как мы добываем — строим — производим кадры — в этом продолжение профессии. Но ведь одно-то дело: репортаж из киноэкспедиции, а уж совсем иное — беллетристика — сочинение и правда, факты и фантазия, документальность и селекция...

С трудом представляем, как в нашем деле, полном напряжения, хлопот и сумасшедших темпов, деле, забирающем все силы без остатка (а Лев Данилов работает не вполнакала!), можно находить время и для серьезных занятий изящной словесностью. Знаем: есть люди, которые в свободное от нелегкой работы время отдают себя изматывающему искусству перевода с устного на письменный. Есть такие! Часто не встречаются. Из всех видов человеческого творчества литература — занятие, наиболее удаленное от расписаний, регламентаций и режимов...

Естественно, что представитель поколения, обоженного войной, Лев Данилов пишет о войне. Пишет, зная суть предмета. Здесь все из первоисточника. Он пишет точно и безжалостно. Ну, например, как влетает, возникает, входит, врывается, впивается в сильное и беззащитное человеческое тело металл, отлитый для убийства, или как не хватает воздуха в груди, когда бежишь в атаку... Проза его сурова, как и подобает быть прозе. Проза живописна — иначе она не проза. Проза его не застенчива — было бы странно, если бы человек, выстрадавший все это, забыл бы о первейшей задаче слова — быть правдивым!

В рассказе слышно давно ушедшее время, время нашей юности. Проходит через эту маленькую повесть панорама неповторимых примет, подробностей и деталей (всего того, чего не придумаешь; можно только вспоминать) того далеко и невозвратно ушедшего времени.

Не стоит искать в «Фотопортрете» аналогий — это не репортаж из прошлого. Искать житейские «похожести» в художественном произведении — вещь бесполезная. А литературное произведение кинодокументалиста — художественный документ, где вы не видите швов между фактом и домыслом, не ощущаете стыков между желаемым и действительностью. Проза.

Александр АЛОВ,
Владимир НАУМОВ,
народные артисты РСФСР

В июле месяце сорок второго года судьба закинула меня в Алма-Ату. Произошло все это в высшей степени случайно. И в помыслах Алма-Аты близко не было. К тому времени я, кажется, забыл, что на земле есть такое место. Вся география свелась к изломанной дороге от Одессы до Ростова. А между ними Николаев и Херсон, Генчицк и Матвеевский Курган... Во сне и наяву — только эта дорога. Окопов вырыто — рекорды мировые установлены в землекопстве на каждую саперную лопатку. Могил не рыли — те окопы, что оставили, годилились под могилы... Я дом родной на Малой Якиманке не вспоминал ни разу, не то чтобы Алма-Ату. Туда я вовсе не стремился, но на войне выбор, как говорится, очень узкий, от твоих желаний не зависит. Война — довольно странная система обстоятельств для каждого из нас...

Наш эшелон-санпоезд в двадцать семь теплушек, пятнисто, полосато выкрашенных старательными неумелыми руками в зеленый цвет, набитых ранеными с Южфронта — по тридцать в каждой теплушке, — разбомбили вблизи передовой на станции Поворино. А может, это и не Поворино было, а какая-то другая узловая. Во всяком случае, до сих пор я уверен в этом названии. Наверное, один из нас, лежавший наверху, на нарах у окна, взглянул в него, увидел мир и начал в изумлении перечислять все то, что было перед ним в тот миг: деревья, женщины и водокачка. Попалась на глаза табличка на ближайшем вагоне «Приписано к Поворино», и сказал: «Поворино». Ну, а теплушка наша и запоминала на всю жизнь. Конечно, раненый мог сказать: «Барнаул», «Караганда» или «Ялтуровск» — каких вагонов и с каких дорог не намешалось на этих узловых, которые по-страшному бомбили немцы, не допуская наши подкрепления к фронту. Да, видно, не попались на глаза вагоны из приписанных к сибирским и казахским магистралям. А то спросили тут же бы: «Чего? Какой Ялтуровск? Какая такая Караганда? Башку за такую болтовню отвернуть надо!»

Поворино же было вероятно, как Ливны, Моршанск или Тамбов. И всех устроило. Но точно сориентироваться на планете в этот час нам не удалось. Начался налет. Бомбежка.

Из двадцати семи теплушек только одна целою осталась — наша. Последней была прицеплена к составу. Осколок бомбы отрубил крюк сцепки от теплушки рядом с нами, и воздухом от взрыва — комком упругим, теплым и вонющим тротилом — нас отпихнуло, откатило на запасный путь. Не от войны — от смерти. Все остальное — в клочьях рваного металла. Людей собрали по кускам, хоронили сбоку полотна в воронках. Шинели, как обычно, подстилали... И люди — на шинелях... Надо было памятник поставить из голубого мрамора и золотом фамилии все выбить, и свет чтобы неоновый мерцал, как пульс, у текста: «ОНИ УБИТЫ ПРИ БОМБЕЖКЕ...» Но даже тогда страшно было писать такое. И было чутьчку поменьше страшным в семьсот тринадцать адресов послать привычно-скорбное: «Ваш сын... Ваш муж... Отец и брат... Смертью храбрых...»

Нас, уцелевших, в суете и спешке (на узловой боялись нового налета и срочно очищали все пути, чтобы не стала пробкой эта фронтовая станция), как прицепили в хвост составу из сорока платформ со станками какого-то эвакуированного завода, так и забыли совсем после этого. Вернее — думать перестали. Считалось — мы пристроены. И к нам еще какие-то платформы и теплушки

Красота родной земли

ДУНАЙСКАЯ

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты «Смены»

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ «ПРОСПЕКТ» ДУНАЙСКОЙ ВЕНЕЦИИ.

тая: антишаблон если и лучше шаблона, то ненамного — тоже прямолинейн и тоже загоривает мысль. Но уж очень не хотелось со своим восторгом становиться в хвост длинному ряду восхищавшихся: с детства не люблю очередей.

Тем не менее уже на третий день в Вилкове я решил от первоначальных своих попользований отказаться: и восхищаться буду и Венецией назову. Причины будут изложены ниже.

Я уже сказал, что о Вилкове был начитан и имел о нем определенные представления: стоит на островах, уютный и зеленый, вместо асфальта — дунайская вода. Вездесущие мальчишки ныряют с мостов, плывут из улицы в улицу. Красивые люди в национальных одеждах справляют свадьбу в лодках, похожих на гондолы, — редкий фотоочерк обходился без такого снимка.

Увы, первый же вечер в дунайской Венеции меня изрядно разочаровал.

Черноморский август порадовал обложным дождем. Мы причалили к обычному дебаркадеру, вышли на обычную провинциальную улицу, обходя обычные лужи, а первая попавшаяся навстречу вилковчанка была в венгерских босоножках, польских вельветовых джинсах и под японским зонтиком.

Одна улица, вторая, третья. Автобусная станция. Рынок. Почта. Кинотеатр на двести мест. Двухэтажный универмаг. Одноэтажная гостиница.

Все верно, все на месте, так и положено маленькому городку районного подчинения. Но, простите, где Венеция?

Утром я обошел центр городка, пару прилегающих улиц и, наконец, добрался до воды. Небольшую, в полгектара даже не площадь, а площадку между домами занимал пруд, весь заросший ряской. Из него вытекал узкий, в земляных берегах, канал. На

Я плыл рейсовой «кометой» из Одессы к горлу Дуная, и целью моей были заметки о городе Вилково. Предварительная идея заключалась в том, чтобы начать очерк словом «Ах!».

Почему?

На то были причины.

Дело в том, что про Вилково я читал много, знал, что город красив и своеобразен, что расположен на островах в дельте великой европейской реки и ведущую профессию имеет по нынеш-

ним временам экзотическую: столица, дом и база дунайских рыбаков.

Должен сказать, что коллеги писали про Вилково хорошо, с подъемом, находясь на находке — читал и завидовал. Но все непременно восхищались и непременно называли город дунайской Венецией.

Вот и возникло желание в пику коллегам над городом не ахать и Венецией не называть. «Ахом» вначале и как раз и собирался это свое намерение подчеркнуть.

Идея, прямо скажем, была небога-

ВЕНЕЦИЯ

«А У МЕНЯ ВСЕГДА
ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ».

**ПЛЕТЕНИЕ И РЕМОНТ СЕТЕЙ —
ДЕЛО, ТРЕБУЮЩЕЕ И ЛЮБВИ
И МАСТЕРСТВА.**

пруду стояло две лодки да еще одна, пока я смотрел, проплыла по каналу.

И это все? М-да... Тогда ведь и Москва — Венеция. И Оленьи пруды, и Голицынские, и Кусковские, и Москва-река с обводным каналом, и Яуза с горбатыми мостиками, и Неглинка в трубе. А Серебряный бор? Тоже, между прочим, остров...

На третий день я знакомился с местным рыбозаводом. Двухэтажное здание заводоуправления одним крылом выходит на протоку, по местным масштабам довольно широкую, с Яузу, и достаточно густо уставленную по берегам лодками. Венеция? В любом портовом городе наткнешься на такую протоку...

С неширокого, двум самосвалам разъехаться, мостика были видны суда на Дунае. Вторая река Европы текла параллельно протоке метрах в восьмистах. Между протокой и Дунаем виднелись темно-зеленые верхушки груш да черепичные крыши частных домиков. Рекой кончался город, кончалась страна — тот берег уже Румыния. Стоит ли идти дальше?

К счастью, у меня было время, и я решил прогуляться до реки.

К счастью потому, что дунайская Венеция существовала, и помещалась она именно там, вперед, на милом пространстве между протокой и рекой.

Это была странная Венеция. Она начиналась в ближайшей же улочке то ли узким ериком, то ли широкой каналой, сплошь зеленой от риски. Домов через пять этот ерик пересекался другим, чуть пошире. Вдоль воды шли экономичные, в две доски, тесовые тротуарчики. И свернул за угол, потом за другой, потом еще раз — и везде по улочкам текла вода.

Нет, не так, скорей, наоборот: везде текла вода, а вдоль нее жались к заборам те самые две доски, тесовые улочки. Совсем узкие каналы уходили в глубь маленьких кварталов, ныряли под заборы, а чаще под калитки. Канал вместо садовой тропинки. Но тут же не ихтиандры живут?!

Этюды о художниках

Алексей КОРЗУХИН

РАДУГА В НЕНАСТЬЕ

Счастлив тот художник, чьи образы стали нарицательными, как «нестеровские березки», «суриковские боярышни» или же «кустодиевские купчихи»... Когда определенный образ превращается в символ громадной жизненной и духовной реальности, более того — реальности исторической, то это говорит не только о том, что великий художник нашел себя в данной теме, но и о том, что сумел совместить две основные правды большого искусства — правду личного мировидения и правду народного самосознания.

По-разному писали русские художники народ русский. Разные исторические, социальные, нравственные задачи преследовались ими в разные эпохи. Было и любование молодецкой удалей, фольклорной пестротой, балалаечно-лубочной экзотикой, как у романтиков начала XIX столетия, впервые открывших для искусства простолюдина; было и исполненное горечи и скорби сострадание к униженным и оскорбленным, забитым крепостным и нищим городским мастерам, как у реалистов середины прошлого века; было у зрелых передвижников, скажем, у Репина, воспевание самобытного ума и громадной потенциальной энергии, таившейся в русском мужике...

К рубежу XX века казалось, что «мужицкая» тема уже начисто исчерпана, закрыта, скомпрометирована неумеренным показом героя из социальных низов, якобы неспособного воплощать в себе ни высшие интеллектуальные ценности, ни утонченную эстетическую культуру. Так думали многие, например, неоромантики «серебряного века», повлиявшие на некоторые течения предреволюционного двадцатилетия. Они прямо-таки ополчились на мужика в искусстве, противопоставляя ему то древнего славянина (Рерих), то изысканно-томного дворянина онегинской поры (Сомов), то грациозного версальского придворного (Бенуа), то, наконец, сказочно-былинного «доброего молодца» (Билибин). Но общество «Мир искусства», объединявшее подобных мастеров, все

же не стояло в стороне от столь характерной для первых лет нынешнего века тяги к постижению глубинной, исконной сути национального начала.

Наряду с сильной «западнической» струей здесь процветали искренние симпатии к набойкам и игрушкам с русского базара, к лубкам и вышивкам русского Севера. Только все эти симпатии были по большей части умозрительными или декоративно-прикладными, не трогавшими сердец «мирискусников» — типичных городских, книжных интеллигентов. При всей

КУПЧИХА ЗА ЧАЕМ.

ЛЕТО. 1922 г.

широте кругозора они страдали и целым рядом исторических предрассудков. В жаркой полемике с предшественниками рвались многие узы логической преемственности. Пойти в провинциальный трактир? Балаган? Лавку грязноватого «сидельца» из торговых рядов? Нет, они не были на это способны без некоторой внутренней борьбы, без кружевного платка с французскими духами, поднесенного к носу, без назойливых воспоминаний о выродившихся низкопробных «народнических» поделках поздних эпигонов передвижничества. Мира окраин они хотя и не чурались, но отводили ему второстепенную роль. А купцов с их звероподобными рожами и смазными сапогами не то чтобы напрочь игнорировали (все-таки как-никак в них во многом и реализовывался во всю ширь романтический «местный колорит»), но на порог тщательно продуманного интерьера в стиле «модерн» все же не допускали. Многим из «Мира искусства» все это казалось опошленным, избитым, примитивным, а сами персонажи — одномерными, грубыми, засаленными. Врубелевский «Демон» — и продавец лаптей... Смешно-с!

И вот объявился среди самих же «мирискусников» художник, которому мир «низовой» и простолудин-

Сергей ВЫСОЦКИЙ

РОМАН

СРЕДНА ОБЫЧНОСТЬ

— Когда я выходил из дома, меня задержали.
— Куда же делся ваш «дипломат»?
— Понимаете, — смутился Платонов, — я очень испугался, когда товарищи... меня... увидели. Темно, пустой дом. Я побегал, наткнулся на кого-то, упал с крыльца... Ну и...
— Говорите, говорите, — подбодрил подполковник.
— Совершенно машинально я сунул один «дипломат» под крыльцо. Там была дырка. Совершенно машинально...
«Недооценил я этого типа, — подумал Корнилов. — На его месте не каждый сообразил бы так ловко отделаться от опасного груза».
— Почему же вы сунули под крыльцо свой чемоданчик?
— Я же говорю — машинально. Я даже не помнил, в каком из них лежали мои иконы, в каком — иконы Барабанщикова.
— Поразительное совпадение, — покачал головой

Окончание. Начало в №№ 1, 2, 5—8.

Игорь Васильевич. — Вы только в одном ошиблись — зачем же свои иконы в чужой «дипломат» засунули?
Платонов жалко улыбнулся.
— А что лежало в чужом «дипломате», когда вы взяли его из бюро?
— Какие-то старинные рукописи и эта книга.
— Евангелие?
— Ну да. Рукописи я выложил в бюро, а книгу оставил.
— Почему же выложили рукописи? Чтобы освободить место для икон?
— Чужие рукописи. Они ведь, наверное, на учете. А книга могла пригодиться.
— Аристарх Антонович, а билет на «Стрелу»? Он был в чемодане?
— Не знаю. В отделение для бумаг я не заглянул. Торопился.
— Как бы вы, Аристарх Антонович, облегчили себе участь, если все это рассказали сразу, — сказал Корнилов. — И как бы сократили наш путь к истине.

23

«Ему слишком многое придется потерять, — подумал Корнилов, вышагивая по пустынному парку. Первые желтые листья, нападавшие за ночь, шуршали под ногами. Неяркое утреннее солнце чуть пригрело спину, легкие волны сизого дыма расплзались по аллеям — где-то рядом, за кустами, жгли костер. — Слишком многое... Если дом поджег Озеров, то он будет отбиваться до последнего. Голыми руками его не возьмешь!»
Когда Корнилова мучил какой-нибудь нерешенный вопрос, он любил пройтись один, вдали от людей, от уличной суеты. Любил, если позволяло время, сесть на электричку и выехать за город. Не очень далеко — в Лисий Нос, в Александровку, — и пройтись по лесу. Но долгого одиночества он не выдерживал. Ему нужен был собеседник, скорее даже слушатель, на котором он проверял бы свои суждения. С годами научившись разбираться в своем характере, подполковник с сожалением замечал за собой такое непостоянство, но избавиться от него не мог.

КТО УБИЛ ДЖОНА ЛЕННОНА?

Пять выстрелов из пистолета, прогремевшие 8 декабря 1980 года в ночном Нью-Йорке, всколыхнули пушечной канонадой не только Америку. Они отдались в сердцах миллионов людей многих стран болью и потрясением, когда радиозфир, как обычно, перегруженный разноязыкой информационной текучкой, вдруг на секунду замер, а затем разрядился трагической «молнией»: убит Джон Леннон!

Композитор, поэт, певец, один из создателей знаменитого английского ансамбля «Битлз», открывшего эру поп-музыки, был убит наповал у подъезда своего дома на манхэттенском Вест-сайте — в цен-

американцев такого брожения, сумятицы и отчаяния, какое вызвала смерть Джона Леннона...

Вот как все произошло...

Трагедия, разыгравшаяся на Манхэттене и завершившаяся столь молниеносным фатальным исходом, вызревала не в Нью-Йорке. Нити новой «Вест-сайдской истории» тянулись в Гонолулу — столицу «райского штата» Америки на Гавайских островах. Для полиции и следственных органов Нью-Йорка обнаружить эти нити не составило никакого труда, ибо главный действующий персонаж трагедии — убийца Джона Леннона — сам во всем сразу и признался. Он даже не пытался бежать. Когда подъехала полицейская машина, он бросил пистолет на землю и спокойно произнес: «Я убил Леннона». Убийцу зовут Марк Чэпмэн.

КОГДА ДЖОН ЛЕННОН, ОДИН ИЗ ЧЕТВЕРКИ «БИТЛОВ», ПОДПИСЫВАЛ СВОЙ НОВЫЙ ДИСК ЭТОМУ МОЛОДОМУ ЧЕЛОВЕКУ С ДОБРОДУШНОЙ УЛЫБКОЙ, КТО-ТО РЯДОМ НАЖАЛ СПУСК ФОТОАППАРАТА. ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ ЧАСОВ ЭТОТ САМЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ МАРК ЧЭПМЭН НАЖМЕТ СПУСК ПИСТОЛЕТА. ЧТО БЫЛО ПОДЛИННОЙ ПРИЧИНОЙ ТРАГЕДИИ? ДАСТ ЛИ ПРОЦЕСС НАД УБИЙЦЕЙ ОТВЕТ НА ЭТОТ ВОПРОС?

тральном районе города. За два месяца до этого, 9 октября, ему исполнилось 40 лет. Уже через несколько минут после трагедии, случившейся около 11 часов вечера по местному времени, к «Дакоте» — старинному, похожему на замок зданию в готическом стиле на 72-й улице, где Джон Леннон жил с женой Йоко Оно и пятилетним сыном Шоном, — стали стекаться людские потоки со всех концов взбудораженного американского «Вавилона». Чугунные ворота перед входом в сумрачный двор здания исчезли из виду — они были сплошь увешаны букетами цветов, открытками, фотографиями Леннона.

За свое пятилетнее пребывание в Нью-Йорке, где я работал в Секретариате ООН, мне ни разу не довелось быть свидетелем такой бурной и волнующей реакции людей. На моей памяти ни убийство голливудской «звезды» Шарон Тэйт, ни «уотергейтское» дело и публичная отставка президента Никсона, никакие другие драмы и трагедии не вызывали у

В конце октября 1980 года 25-летний американский гражданин Марк Дэвид Чэпмэн, безработный, вошел в один из магазинов в центре Гонолулу и выразил желание купить пистолет. Владелец магазина навел в ближайшем полицейском участке справки и, удостоверившись, что его клиент не числится в «черных списках» уголовников и прочих правонарушителей, продал Чэпмэну оружие. Торговец не придавал никакого значения (или сделал вид, что не придавал?) тому, что Чэпмэн, как он указал в анкете при оформлении покупки, нигде не работал. Он, конечно, мог бы и полюбопытствовать: откуда у безработного деньги на приобретение пистолета? Но когда коммерческий дух оттесняет на задворки гражданские соображения — стоит ли дознаваться, откуда у покупателя деньги? Главное, чтобы они побыстрее перекочевали из его кармана в твой собственный — а дальше все трин-трава.

На тот факт, что будущий убийца Леннона числился безработным, не обратила внимания и гавайская полиция. Ее представитель заявил впоследствии корреспонденту агентства Ассошиэйтед Пресс, что приобретение Чэпмэном огнестрельного оружия было «обычной» процедурой, предусмотренной американскими законами.

Потом, уже в момент ареста, в карманах у Чэпмэна было обнаружено 2 тысячи долларов наличными. Эту сумму, по словам его адвоката Адлерберга, он «занял», чтобы по приезду в Нью-Йорк «сделать то, что сделал...».

Так или иначе, вооружившись пистолетом 38-го калибра, безработный гонолулец отправился на континент — в надежде, как потом строили догадки эксперты, «получить автограф» у одного из своих

МИР КА ИДОЛЫ ИДЕАЛО

Вначале — два свидетельства, каждое из которых можно с полным основанием назвать свидетельством обвинения...

Первое. Известный американский социолог Олвин Тоффлер, автор книги «Столкновение с будущим», пишет о современной Америке: «Во всех сферах нашей жизни можно обнаружить приметы некоей болезни. Эта болезнь все более проявляется в нашей культуре, в нашей философии, в нашем отношении к реальности. Неудивительно, что многие называют наше общество домом для умалишенных».

И второе. Говорит американский философ и социолог Дж. М. Камерон: «Возведенное в ранг института насилие чаще всего обнаруживается в различных формах действий с применением оружия... Самоутверждение насилия — признак того, что что-то в этом обществе происходит не так, что совершается если не юридическое, то моральное преступление».

ПИТАЛА: ВМЕСТО

В

идолов, Джона Леннона? Звучит парадоксально. Но Чэпмэн действительно заполучил автограф экс-битла. Это произошло в день убийства. А за несколько дней до кровавой трагедии некоторые жильцы «Дакоты» и прилегающих кварталов заметили «опрятно одетого, спокойного с виду» молодого человека в черной кожаной куртке, прогуливавшегося около фешенебельного дома на углу 72-й улицы и Центрального парка. Это был Чэпмэн. В руках у него была новая, выпущенная несколько недель назад пластинка Джона Леннона «Двойная фантазия». Дефилирование незнакомца перед воротами «замка» никого не удивило — ведь в «Дакоте» живет немало знаменитостей сцены и экрана, которых почитатели хотят увидеть воочию или взять у них автограф.

8 декабря в 5 часов после полудня Джон Леннон и Йоко Оно вышли из «Дакоты», направляясь в одну из звукозаписывающих студий. У ворот к ним подошел неизвестный молодой человек в черной кожаной куртке и, протянув диск «Двойная фантазия», попросил у автора автограф. Леннон расписался на альбоме и поспешил с женой к машине. В течение последующих шести часов Чэпмэн не отходил от «Дакоты», дожидаясь возвращения Леннонов. В 22 часа 50 минут к дому подъехал лимузин, из него вышли Джон и Йоко и направились через арку с массивными чугунными воротами к подъезду здания. В этот момент из темноты к ним шагнул человек в черной куртке — и выстрелил. Через несколько минут, когда Леннон был доставлен в расположенную неподалеку больницу Рузвельта, врачи сообщили, что он мертв.

Добровольно сдавшийся полиции Чэпмэн был направлен для обследования в психиатрическую клинику, а американская Фемида поспешила предъявить ему предварительное обвинение в «убийстве со смягчающими вину обстоятельствами».

Техас в семье сержанта американских ВВС. В начале 60-х годов он учился в школе в Атланте (штат Джорджия), когда «Битлз» уже взмыли на гребне мировой славы. С 10-летнего возраста Чэпмэн стал заядлым битломаном. На предвыпускных школьных фотографиях он изображен с длинноволосой прической «а-ля битлз». Марк играл на гитаре в школьной рок-группе и все годы собирал пластинки «Битлз».

После школы Чэпмэн нигде не учился, у него не было определенной профессии. В период после окончания школы и до ареста у ворот «Дакоты» он много путешествовал в качестве «агента по делам азиатских беженцев». География его поездок включала Южную Корею, Японию, Гонконг, Таиланд, Ливан и Англию. Из Ливана Чэпмэн привез магнитофонную запись уличной перестрелки. Дома он прослушивал эту ленту по нескольку раз. По свидетельству очевидцев, она его «сильно возбуждала и одновременно наводила на него ужас».

С декабря 1979 года Чэпмэн устраивается сторожем в кооперативном доме «Вайкики» в центре Гонолулу. Управляющий кооператива Джо Бустаменте отзывался о Чэпмэне в самых лестных тонах. Это был «очень добросовестный работник, нормальный во всех отношениях», заверил он американского журналиста, взявшего у него интервью вскоре после трагической гибели Леннона. От управляющего репортер узнал несколько любопытных деталей, связанных с уходом Чэпмэна из «Вайкики». Во-первых, оформляя расчет, Чэпмэн заявил, что уходит с работы «по

«Голоса сверху»

Первые дни убийца невозмутимо отлеживался в отдельной палате нью-йоркской психиатрической клиники «Белью», куда к нему каждые 15 минут заходили дежурные врачи или полицейские, чтобы предупредить возможное самоубийство. Потом его стали возить из клиники на судебное разбирательство. Чэпмэн, такой же «спокойный с виду», как и накануне совершенного им преступления, этакий «тихий американец», являлся в суд в окружении плотного кордона полиции и в пуленепробиваемом жилете — слышком много было телефонных звонков с угрозой расправиться с ним. Кстати, примерно полтора года назад Джон Леннон ассигновал для нью-йоркской полиции тысячу долларов на приобретение таких пуленепробиваемых жилетов...

Так вот, пока шло разбирательство по делу гавайского преступника, американские криминалисты и эксперты в области социальной психологии на страницах газет, по радио и телевидению ломали голову над возможными мотивами «необъяснимого» преступления, пространно рассуждали о «загадках» человеческой природы, а некоторые пытались найти какие-либо зацепки и «смягчающие обстоятельства» в биографии убийцы.

Биография Чэпмэна — не ключ-универсал к разгадке «дакотской» трагедии. Но в ней есть такие штрихи и обстоятельства, которые вкупе с определенными чертами характера преступника из Гонолулу в самом деле могут пролить какой-то свет на маниакальные действия этого человека. Так что с некоторыми моментами жизни Чэпмэна и его особенностями как личности имеет смысл познакомиться — это знакомство поможет нам лучше понять саму американскую действительность, которая способна порождать таких чудовищ, как убийца Леннона.

Марк Дэвид Чэпмэн родился в 1955 году в штате

БОЛЕЗНЕННОЕ, ИСТЕРИЧЕСКОЕ ВОЗБУЖДЕНИЕ — ОБЫЧНАЯ АТМОСФЕРА В ЗАЛАХ, ГДЕ ВЫСТУПАЮТ «ИДОЛЫ». ДИАПАЗОН ПРОИСШЕСТВИЙ — ОТ ОБМОРОКОВ ДО ПОЛОМАННЫХ СТУЛЬБОВ И КРОВАВЫХ ДРАК...

личным причинам». Во-вторых, он сказал, что сразу уезжает в Лондон. В-третьих (самая, пожалуй, любопытная деталь), в последний день работы в «Вайкики» (23 октября 1980 года) сторож Чэпмэн расписался в рабочем журнале не как «Марк Чэпмэн», а как «Джон Леннон». «Мы заметили это только тогда», — сказал Бустаменте, — «когда у нас стали наводить о нем справки после смерти м-ра Леннона».

Рассчитавшись с «Вайкики», Чэпмэн, как уже упоминалось выше, купил пистолет, занял 2 тысячи наличными и, не объяснив толком жене, куда он едет, отправился через Тихий океан в самый большой город Америки, чтобы «сделать то, что сделал».

Фанатичное поклонение битлам и подражание им во всем переплетались в душе Чэпмэна с еще одной «неуправляемой» чертой — неотступной верой в бога, в «неземные силы». Один из его однокашников по средней школе вспоминал, что Марк стал «очень религиозным» еще в начальных классах. Позднее Чэпмэн сделался неутомимым читателем Библии. По словам приятеля Чэпмэна, работавшего вместе с ним в 1975 году в агентстве по делам азиатских беженцев, Марк время от времени приходил в ярость от фразы, произнесенной в шутку Джоном Ленноном еще в 1965

Сколько произнесено и написано слов, фиксирующих различные симптомы той болезни, которая раздирает капиталистический мир и против которой бессильна любая терапия, ибо неизлечимая болезнь эта возникла из самой сути общественной системы, чьи законы и принципы определяет чистоган. Имя ее — антигуманность.

Психически неуравновешенный подонок стреляет в того, кому поклонялся и кого одновременно ненавидел... Сын знаменитого актера, «звезды» из «звезд», пускает себе пулю в лоб... Убийство, самоубийство... И в том и в другом случае — дикая иррациональность действий. Патологические отклонения? Или логическое порождение той духовной и нравственной, а точнее, бездуховной и безнравственной атмосферы, которая утвердилась в метрополии капитализма — США?

Об этом материалы, предлагаемые вашему вниманию.

ванных журналов. Удержаться на верхних ступенях иерархии престижности — на какие только жертвы не идут для этой цели! И нередко приходит жестокая расплата...

Джейн и Питеру Фонда — детям одного из популярнейших актеров Америки, а ныне известным киноактерам довелось на собственном опыте познать те опасности, которые подстерегают в жизни таких же, как они, наследников королей и королевы «шоу-бизнеса».

Джейн и Питер рано потеряли мать — она покончила с собой в психиатрической клинике. Узнав об этом, Питер — ему тогда едва исполнилось десять — раздобыл где-то револьвер и совершил попытку самоубийства. Сегодня он рассказывает: «К 15 годам я был алкоголиком. К тридцати успел перепробовать все — от марихуаны до ЛСД. Все это произошло со мной, думаю, потому, что в детстве нас с Джейн страшно баловали и в то же время пренебрегали нами, не уделяя нам ни времени, ни внимания». А Джейн, у которой подрастают свои дети — дочь и сын, — клянется, что сделает все, что в ее силах, чтобы их детство ни в чем не походило на ее собственное.

И Джейн и Питер — из тех немногих, кто в конце концов выдержал нелегкое «испытание родительской славой». Для других это оказывается непосильным. С самых ранних лет они начинают примерять на себя «звездное платье» отца или матери. Часто эти попытки ведут к трагической развязке.

Джонатан Пек, 30 лет, работал телеоператором в маленьком калифорнийском городке. Однажды утром в его небольшой, скромно обставленной квартире прозвучал выстрел, который поставил точку в жизни старшего сына «звезды» американского киноэкрана Грегори Пека. Вот как пытается объяснить самоубийство Джонатана его младший брат Стивен: «Величайшая беда Джонатана была в том, что он постоянно ставил перед собой цели, достичь которых не мог... Это происходило большей частью из-за того, что на него давила слава отца».

Скотт Ньюмен, сын актера Пола Ньюмена, которого пресса окрестила «символом американского мужского обаяния», умер в ноябре 1978 года, приняв чудовищную дозу наркотиков и алкоголя. До этого он на протяжении десяти лет безуспешно пытался излечиться от алкоголизма.

Скотт хотел стать актером, снимаясь под чужим именем, чтобы зрители не отождествляли его с отцом, и друзья считали, что он на верном пути к обретению уверенности в собственных силах. Друзья ошибались: бремя отцовской славы оказалось для Скотта непомерным. «От меня постоянно ожидают большего, чем я могу», — признался он незадолго до смерти.

Дженнифер Селзник было 22 года. Окружающие находили, что она очень похожа на свою мать, киноактрису Дженнифер Джонс. Ничего удивительного и тем более трагического в этом не усмотришь, однако именно этому обстоятельству суждено было сыграть в жизни девушки роковую роль. «То, что она была похожа на свою мать, не давало ей покоя», — говорила потом одна из подружек Дженнифер. — Она чувствовала, что мать и красивее и талантливее ее».

Прыжок с высоты двадцатитрёхэтажного дома вниз, на серый асфальт тротуара, — неожиданный и страшный конец жизни, которая только начиналась. Неожиданный и страшный, но поддающийся объяснению и даже логичный в меру той извращенной логики, согласно которой слава и богатство — высшая и единственная цель, а талант и красота — подручные средства для их достижения. Дочь знаменитой актрисы слишком твердо усвоила правила игры под девизом «Все или ничего», слишком резко ощутила трагическую дисгармонию собственных желаний и возможностей. Фатальный круг замкнулся: бытие определило сознание, а сознание определило выбор в пользу небытия.

Кто виноват — только ли знаменитые папы и мамы, которых никогда не было рядом, когда они были нужны, которые сыграли десятки блестящих киноролей, а в жизни не сумели исполнить одну единственную — роль отца или матери собственного ребенка? Но могут ли они не жить по законам того общества, которое превратило их в фетиш, в объект обрядового поклонения?

Эксплуатация глубоко личного, внутрисемейного ради «паблисити», конечно, безразвенна. Попытки откупиться от собственных детей, подменить заботу и внимание лишь обеспечением материального благополучия безразвенны вдвойне. Но трижды безразвенно общество, мораль которого превращает славу и деньги в высшие универсальные критерии человеческих поступков.

Рисунок Александра ПАНАСЕНКО

Рисунок С. АЙНУТДИНОВА

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

23 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

СМЕНЫ

(Продолжение. Начало см. в №№ 1, 2, 5—8 журнала)

ДЕВЯТЫЙ ТУР

Белые начинают и дают мат в два хода (1 балл).

Под редакцией международного арбитра, заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

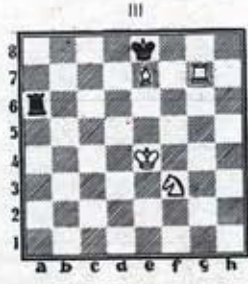
Ход черных. Могут ли они добиться победы при наилучшей защите белых? (3 балла.)

1. Kf3 Kf6 2. d4 g6 3. g3 Cg7 4. Cg2 0—0 5. c4 c5 6. 0—0 cd 7. K:d4 Kc6 8. Kc3 K:d4 9. Ф:d4 d6 10. Фd3 a6 11. e4. Каким дебютом началась эта шахматная партия? (1 балл.)

Не забудьте посылать ответ на каждое из пяти заданий девятого, предпоследнего тура на отдельной открытке. На ее лицевой стороне над адресами слева сверху обязательна пометка «23-я шахматная олимпиада «Смены», девятый тур», а на обороте над решением справа сверху необходимо проставить свой учетный олимпиадный номер. Срок отправления писем на эти задания истекает 20 июня 1981 года (согласно почтовому штемпелю вашего отделения связи).

Белые начинают и делают ничью (3 балла).

Ход черных. Как вы оцените шансы сторон в этой позиции? (3 балла.)

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.03.81. Подписано к печати 02.04.81. А 05072. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1155000 экз. Изд. № 1015. Заказ № 446. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ТЫ ПИШЕШЬ МНЕ ПИСЬМО

На улице полночь. Свеча догорает.
Высокие звезды видны.
Ты пишешь письмо мне,
моя дорогая,
В пылающий адрес войны.

Как долго ты пишешь его, дорогая,
Окончишь и примешься вновь.
Зато я уверен: к переднему краю
Прорвется такая любовь!

...Давно мы из дома.
Огни наших комнат
За дымом войны не видны.
Но тот, кого любят,
Но тот, кого помнят,
Как дома и в дыме войны!

Теплее на фронте от ласковых писем.
Читая, за каждой строкой
Любимую видишь
И Родину слышишь,
Как голос за тонкой стеной...

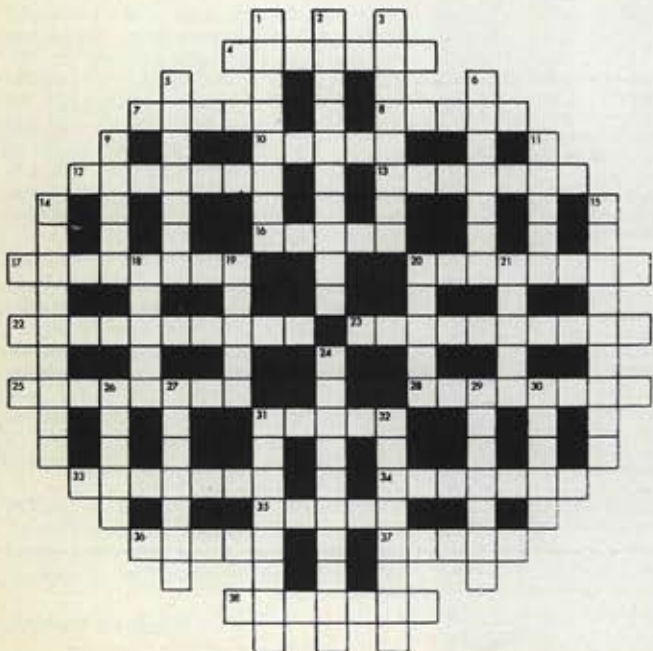
Мы скоро вернемся. Я знаю. Я верю.
И время такое придет:
Останутся грусть и разлука
за дверью,
А в дом только радость войдет.

И как-нибудь вечером вместе
с тобой,
К плечу прижимаясь плечом,
Мы сядем и письма, как летопись
боя,
Как хронику чувств, перечтем...

The musical score is arranged in three columns and five systems. It includes vocal lines with lyrics and piano accompaniment for the right and left hands. The lyrics are written in Cyrillic and correspond to the text on the left. The score is in a common time signature (C) and features various musical notations such as clefs, notes, rests, and accidentals.

К Р О С С В О Р Д

Составила М. КОВАЛЕНКО,
г. Жданов

По горизонтали:

4. Русская флейта. 7. Выдающийся польский композитор. 8. Мяч для игры в бадминтон. 10. Порт в Нидерландах. 12. Болгарская поэтесса. 13. Преобразователь электрических сигналов в звуковые. 16. Река, берущая начало с Валдайской возвышенности. 17. Героиня кинофильма «Член правительства». 20. Оркестровое вступление к опере, балету. 22. Руководитель певческого коллектива, дирижер. 23. Французская революционная песня. 25. Руководитель небольшого производственного коллектива. 28. Раздел стихосложения. 31. Выдающийся русский писатель. 33. Вид учебных занятий. 34. Романс Р. Шумана. 35. Вьющееся растение. 36. Народная поэтесса Литвы. 37. Пшеничная булочка. 38. Главное действующее лицо романа М. Горького.

По вертикали:

1. Войсковое подразделение, следующее впереди главных сил. 2. Декоративное растение, цветок. 3. Специальное сооружение для хранения зерна. 5. Высокий женский голос. 6. Профессиональный народный певец в Азербайджане. 9. Декоративная ваза для цветочного горшка. 11. Стихотворная форма. 14. Прибор для измерения коротких интервалов времени. 15. Порт на Каме. 18. Артист балета, народный артист СССР. 19. Создатель художественного произведения, проекта. 20. Огородное растение семейства зонтичных. 21. Узкий стальной брус, деталь железнодорожного пути. 24. Симфоническая сюита Римского-Корсакова. 26. Один из героев романа А. Н. Толстого «Аэлита». 27. Действующее лицо оперы М. П. Мусоргского «Хованщина». 29. Оценка успеваемости и поведения учащихся. 30. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 31. Бальный танец. 32. Испанский живописец XVII века.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 8

По горизонтали:

5. «Ленинцы». 7. Графтию. 9. «Перекоп». 11. Горький. 12. Крылов. 13. «Солдат». 15. Аргунь. 16. «Аппассионата». 18. Рокоссовский. 21. Леонов. 23. «Влтава». 25. Бирюса. 27. «Горение». 28. Клубень. 29. Грамота. 30. «Алшерон».

По вертикали:

1. Анкета. 2. Сырок. 3. Углов. 4. Карьер. 6. Неудлы. 8. Трибун. 10. «Происшествие». 11. Горнозаводск. 14. Топорков. 15. Абалаков. 16. Амур. 17. «Абай». 19. Борона. 20. Шарнир. 22. Озеров. 24. Любаша. 25. Бихар. 26. Алтай.

МНОГОЦВЕТНАЯ СИМФОНИЯ ГОР

Если заглянуть в мастерскую художника Мурата Кабулова, что на старенькой горбатой улочке, где в воскресный полуденный час с протяжным голосом точильщика сливаются озорные голоса мальчишек, гоняющих в футбол во дворе под раскидистыми липами, где слышно иной раз свадебное веселье с осетинской гармоникой, с песнями, которым аккомпанирует гудящая кавалькада машин, — покажется странным, что Мурату не мешает, а словно помогает уличная симфония. Будто подлевая ей, он продолжает писать, и вдруг видится, что холст художника — многообразная мелодия красок, звучащая палитра, в которой тонкий слух уловит голоса и звуки улицы.

В мастерской десятки полотен, завершенных и только начатых, и к ним множество эскизов, набросков, запечатленных по памяти и с натуры: маслом, акварелью, карандашом, сангиной. Мальчик-водовоз, спускающийся от солнечного водопада к аулу по узкой тропинке на ушастом ослике; упругий взлет форели над кипящей пеной гор-

СЕЛЬСКИЕ СТРОИТЕЛИ.

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ.

СВАДЬБА.

ПОЭТ КОСТА ХЕТАГУРОВ.

БУКЕТ.

ПЕРЕКРЕСТОК.

ной реки; сторожевая башня, смотрящая черными глазами со скалистого утеса; табуны лошадей, ветром несущихся по долине; альпийские луга, оживающие от цветения тюльпанов...

Художник везде «ловит» жизнь, ее счастливые и грустные мгновения и не расстается с ними, пока не запечатлеет на холсте.

Мурата можно повстречать в домике егеря, оберегающего заповедник; у строителей, прокладывающих дорогу через горные массивы; на свадьбе в отдаленном ауле. Но больше всего его интересуют будни родного города, где прошли детство и юность. Вот набережная неугомонного Терека, в бушующих волнах которого он еще мальчишкой научился плавать, а вот старая липовая аллея, пересекающая центр Орджоникидзе, — место отдыха горожан в воскресный день, по соседству с ней театр. В вечерних сумерках он походит на сказочный домик, освещенный теплым светом фонарей. А вдоль берега реки старая мельница — высокая гладкая стена ее, выложенная искусной рукой мастера, напоминает фасад средневекового замка.

Мурат Кабулов закончил ленинградское художественное училище, а затем институт имени И. Е. Репина. Его учителем был прославленный живописец, народный художник СССР Евсей Евсеевич Моисеенко. Пройденную школу Мурат Кабулов достойно представляет своими работами на зональных, всероссийских и всесоюзных выставках.

— Слышишь песню гор? Она имеет свой цвет, найти бы его точнее...

Художник слушал песню, и, может быть, в нем рождался новый образ, который запечатлится на холсте мелодией, своей, не похожей ни на чью.

Руслан ГАЛАЗОВ